
Долина
зелёных
холмов
Василий Ландэшов

Василий Ландэшов

Долина зелёных холмов

«Автор»
2026

Ландэшов В.

Долина зелёных холмов / В. Ландэшов — «Автор», 2026

Это рассказ для всей семьи. Я хотел, чтобы когда родитель читал сказку на ночь, ему тоже было интересно!

© Ландэшов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 19

Василий Ландэшов
Долина зелёных холмов

ДАЛИНА ЗЕЛЁНЫХ ХОЛМОВ

Ландэшов
Часть 1

День не по регламенту

Ты всегда должен следовать графику, даже если график не следует за тобой.

Будильник взвизгнул сухим латунным молоточком ровно тогда, когда мир еще спал в предрассветной синеве, укутав Долину в прохладный туманный плед. Корнеплод распахнул левый глаз, потом правый, глубоко потянул пятачком воздух — и застыл, почувствовав неладное. На циферблате настенных ходиков с потемневшим маятником чернело: 5:04.

На четыре минуты позже расчетного запуска суточного конвейера.

— Закопай меня лопата, — прошептал кабан пересохшими губами, озираясь по сторонам, — дисциплина суток рухнула! Где тапочки?!

Тапочки знали, они еще с вечера смотрели под кровать с подозрением!

Озадаченно похрюкав в утреннюю глушь, Корнеплод босиком семенил по скрипучим доскам пола к массивному дубовому столу, на котором покоилась монументальная амбарная книга в тяжелом переплёте. Рядом с ней, намертво прикрученная к столешнице струбциной, величественно возвышалась чугунная счётная машинка «Феликс» с потёртым лакированным корпусом и рядами никелированных рычажков. У него существовало железобетонное правило: одна страница — ровно один календарный день, ни строчкой больше. Симметрия была его единственным бронежилетом против распущенности мироздания, которое так и норовит растечься лужей.

Корнеплод решительно дёргал за ручку «Феликса»[1], намереваясь выбить утренний баланс: чик-чик-звяк! Но барабан качнулся с хриплым скрежетом, а в окошечках счётчика вместо стройного ряда нулей выстроилась непристойная комбинация из шестёрок.

После этого мысли окончательно взбунтовались и категорически отказались укладываться в строгие графы амбарной книги. Записи упрямо ползли за поля, задевая края страниц, а в самый кульминационный момент на безупречную белизну бумаги шлёпнулась жирная чернильная клякса.

Корнеплод замер, выдохнул через ноздри два облачка пара и приложил деревянную линейку к центру пятна:

— Диаметр — три сантиметра с гаком! Форма — бессистемная аномалия! Закопай меня лопата! — трагически ахнул кабан. — Прямой удар по порядку! Куда утекли четыре утренние минуты?

Кабан потёр кляксу лапой — пятно расползлось бархатным синяком. Схватил ластик — хруст! В бумаге амбарной книги образовалась дыра, сквозь которую просвечивал прошлый листок. Корнеплод замер, прищурился, выдохнул тяжелый вздох старого труженика, взял зеленый карандаш, аккуратно обвёл рваные края дыры и вывел

размашисто: «Раздел 4. Вентиляционный люк. Тяга нормальная». Порядок формально спасён, но внутри ребра неприятно зудело.

[1] Она была дана в наследство Корнеплоду от дедушки Редиса

Пытаясь вернуть нервы в равновесие, кабан подошёл к кухонному серванту. Медленно выравнивал чайные пары по ранжиру:

— Самая крупная, с синими ромашками — налево, средняя, с бледной редиской — по центру, а миниатюрная для вечернего отвара — направо.

Но стоило сделать шаг назад для контрольного осмотра, как средняя чашка предательски накренилась. Отклонение составляло полтора миллиметра. Физика объявила забастовку.

— Закопай меня лопата! Даже сервант сегодня мимо кассы!

Потянулся за верной стальной линейкой от крота Роти — полки пусты. Смахнул пыль с деревянной рейки. Терпение лопнуло по шву фартука:

— Безобразие! Время течет сквозь пальцы!

Выкатился во двор, вспомнив архаичный совет бабушки Барашки: умыться из уличного рукомойника три раза.

Первый раз — окропил пятачок прохладной влагой. Норма.

Второй раз — тщательно ополоснул оба уха. Норма.

Третий раз — из носика выкатилась одна сиротливая сухая капля ржавчины. Вода кончилась на полкапли раньше регламента!

— Три раза! Чётко прописано: ТРИ! — барабанит копытцем кабан по ржавому железу. — Земля накренилась.

По тропинке пронёсся шорох травы. Из-за куста смородины выковылял почтенный пёс Гав-Гавыч, сжимая в лапе пустой никелированный подстаканник без стакана, но с отполированной до блеска ручкой.

Корнеплод застыл, уперев лапы в бока:

— Гав-Гавыч, голубчик, ты ли это в полный рост?! Какая еще беготня натощак?! Ты же с первого снега позапрошлого года отсюда ни шагу без двухминутной паузы на думку!

Пёс отдувается рёбрами, как мехами, сбивая с усов утреннюю росу:

— Гм-гав… Моё почтение, Корнеплод… Мадам Игла заверила… кхм… ежели рассекать в темпе бодрого барсука, хронометр внутри не заржавеет! Движение — мать порядка!

— Какое трение о воздух без капли чая?! У тебя в подстаканнике чистый вакуум геометрии!

Игла, выскочившая из-за можжевельника с блокнотом наперевес, бросила на ходу:

— Ой, брось миллиметры свои, Корнеплод! Хронометру нужна подзарядка, а не сверка углов. Бежим, Гав-Гавыч, не сбавляем темп!

— Истинно так, мадам… — прохрипел пёс, звякнул ручкой подстаканника и потрусил следом по кругу.

Поняв, что здравый смысл ушел в бессрочный отпуск, Корнеплод сжал рейку покрепче и решительно направился к картофельной грядке. Первый куст — тридцать сантиметров. Норма. Второй — тридцать. Норма. Третий дерзко торчал на сорок сантиметров.

— Сорок сантиметров?! — взвизгнул кабан, примеривая линейку к наглецу. — Десять сантиметров незарегистрированного вертикального хаоса!

Со стороны оврага раздался свист, словно лопнула рессора у телеги. Земля ухнула, и из облака пыли вылетел гиперактивный хомячок Шустрик.

Хрусь! Бум!

Шустрик влетел боком в выставочную морковь-рекордсменку шириной тридцать и высотой семьдесят пять сантиметров. Отскочил сальто-мортале, тряхнул ушами:

— Ф-ф-ф! Резец на месте!

— Колесо без тормозов?! Ты сбил угол ботвы на четыре градуса к востоку!

— Я у вагончика-бытовки железную штуку видел, торчит из земли как гвоздь в ботинке! — выпалил Шустрик и исчез в клубах дорожной пыли.

Шустрик добежал первым. Цирковой кот Мурлыч сидел на ступеньках вагончика, перебирая когтями воздух:

— Простите великодушно, дорогой хозяин… Бутерброд уронил, стал раскапывать землю у крыльца… а там — рычаг!

Из земли действительно торчал заржавевший рычаг. Из-за смородины вылетел багровый Корнеплод, гремя рейкой:

— Стой! Дёргать рычаги без расчёта нажима — преступление против огорода!

— Замётано! — весело крикнул Шустрик и всем весом повис на рукояти.

Земля качнулась, подмяв под себя траву. Подземные трубы взвыли утробным басом, и фонтан жирной грязи и воды хлестанул поперёк выверенных грядок. Монобровь Корнеплода встала острым углом.

— ТАК! Один крутит вслепую, второй прыгает по моркови с ускорением падающего мешка! Хозяйство — не балаган!

Мурлыч вспрыгнул на крыльцо, судорожно гладя воображаемое место, где должен быть хвост:

— Виноват-с! Убегаю в засов! — и шмыгнул в дверь, щёлкнув тяжелым железным замком.

Корнеплод помчался к огороду, срезая угол, едва не снеся лисичку Фырку на меже. Грязевой поток летел прямо на выставочную морковь. Кабан зажмурился, готовый к катастрофе планетарного масштаба.

Но сработал «побег-ренегат» с сорока сантиметрами роста: раскидистая ботва сработала как идеальный рассекатель, грязь разделилась на два рукава и ушла в дренаж, оставив морковь чистой и невредимой.

Корнеплод задохнулся от восторга, забыв про утренний переполох:

— Уцелела! Родная моя! — он упал на колени, целуя сырую землю и пачкая нос в чернозёме.

Весь остаток дня прошёл в поучительных и тяжелых трудах: латал промоины, трамбовал копытами ил, приговаривая себе под нос проклятия хаосу. Нашёл помятый утренний умывальник, сложил туда перьевую ручку, поломанную линейку и выкинул на кучу хлама. Сам — вылитый болотный голем, умазанный глиной по самые брови.

Из сумерек прибрежных ив выплыл крот Роти с ключом на хвосте:

— Ой! Закопай меня лопата, Корнеплод, это ты?! Вид — загляденье!

Корнеплод ворчит, отряхивая бок пучком редиски:

— Я, Роти. Шастают тут с подстаканниками… Вся геометрия в дугу.

Роти качнул носом, прищурившись:

— Не ворчи. Без их суеты мы бы трещину под корнем моркови в жизни не вскрыли вовремя.

Роти шагнул к трубе, чтобы оценить дренаж, и вдруг замер. Ключ звонко выпал из лапы в траву.

На месте сорокасантиметрового «побега-ренегата» у грядки зияла абсолютно пустая лунка. Ни следа стебля, ни крошки земли — словно тот самый спаситель растворился в сумеречном воздухе ровно через четыре лишних утренних минуты, оставив морковь стоять в гордом, ничем не подкрепленном одиночестве под луной. А над Долиной тихо плыл ночной шорох невыверенных минут.

Тик-так

Тик-так или так-тик, уже неважно когда неслышно нет и не другое

— Тик-так? — шепчет Гав-Гавыч, прижимая лапу к груди, а там — ни единого звука. Абсолютная, звенящая слепота времени.

Без хронометра внутри пёс вдруг превращается в пустоту. Кому нужна лапа, если не знаешь, к чему она тянется: к ложке утренней каши, к ушку фарфоровой чашки или к баяну? Рука зависает в воздухе, словно стрелка над сломанным циферблатом.

— Корнеплод на речке поплавки по ГОСТу считает, — горько шепчет пёс, глядя на пустой стул. — А я кто? Я теперь — ракетка без мяча. Ни завтрака, ни шутки, ни шагу за порог. Как идти туда, где время не поделено на минуты? Шагнешь не в ту секунду — и провалишься сквозь землю.

Гав-Гавыч садится на край незаправленной постели. Мир сжался до размера одной-единственной проблемы: внутри — тишина, снаружи — жизнь, которая несется без него, пока хронометр молчит.

Дедушкин дневник Вуф-Вуфыча[2], чьи пожелтевшие страницы он торопливо перелистывает в поисках ответа на беззвучие в груди, подкидывает лишь старые чернила и заумные рассуждения о «ритме души». Ни единой практической подсказки. Только лирика да наставления из прошлого.

— Эх, дедушка… у тебя тут поэзия, а у меня — фальшстарт.

Пёс захлопывает тетрадь и чеканит шаг за порог. Ноги сами ведут к лучшему другу — к Корнеплоду. Уж этот закадычный кабан, чей пятачок чувствует отклонение от гармонии сфер в доли миллиметра, точно растолкует, как вернуть тиканье в грудь, пока Вселенная не рассыпалась на атомы.

Корнеплод хмурит массивную бровищу, оглаживает пятачок и уставляется на Гав-Гавыча с глубоким сомнением в глазах:

— Закопай меня лопата, какая ещё «тишина в груди»! Нервы это от недосыпа, дружище. Простудился ты на сквозняке. Систему заклинило от сырости!

Они сидят в полумраке дубового амбара за массивным столом. Перед ними — советский сервиз с большим графином в виде крупной рыбы и маленькими стопками-рыбками. Пар поднимается тонкой струйкой от тёплого сбитеня. Корнеплод хрустит заветным сухим бубликом, отламывая ровно по ГОСТу, а Гав-Гавыч с унылым видом держит стопку-рыбку за хвост, но пить не спешит — внутри по-прежнему ни звука.

— Пей давай! Горячий сбитень выгонит любой технический сбой из организма. А если нет — пойдём в парную, распарим суставы, веником прочистим дух! Порядок вернётся силою жара и пара!

Гав-Гавыч (тяжело вздыхает, глядя в пустую рыбью глазницу):

— Парная… Легко тебе говорить, Корнеплод. У тебя вон грядки по линейке, а у меня в груди — пустой стадион! Вот скажи честно: если бы у тебя амбарная книга вдруг оказалась чистой с обеих сторон и без разметки, ты бы уснул?

Корнеплод (откладывает кусок бублика, подозрительно прищурившись):

— Чистой? Без разметки? Закопай меня лопата… Это же хаос! ЧП планетарного масштаба! Я бы её срочно зачертил красным карандашом, пока мир не перевернулся. А причём тут твой хронометр? Ты опять баян свой ночью на три децибела громче обычного растягивал?

Гав-Гавыч:

— При том, дружище. Механизм молчит. Тик-так — тю-тю. Как думаешь, а рыбам в этом графине каково? Они же тоже безмолвные. Стоят себе с золотыми шарами на макушке и не спорят о погоде.

Корнеплод (стучит пальцем по столу в ритме метронома):

[2] Дедушка Вуф-Вуфыч , бывший почтальон, каждый день записывал свой дневник. А между прочем он прожил долгие девяноста девять лет, и каждый день в дневник.

— Рыбы — это фаянс, у них нет ГОСТа на утренний подъём. Кстати, ты не заметил, куда опять запропастилась моя стальная калиброванная линейка? Третьи сутки найти не могу, с ума сойти.

Гав-Гавыч (слабо улыбается, поднося стопку к губам):

— Ищи под верстаком, Корнеплод. Глядишь, пока сбитень допьём, у меня в ребристой клетке снова кузнечик заведётся.

Жаркая парная встречает их густым белым туманом. Корнеплод важно восседает на полке. Веник свистит рассекаемым воздухом, парит дух, пахнет берёзой и раскаленным камнем. Гав-Гавыч сидит рядом, прижимая к рёбрам пустой никелированный подстаканник. Внутри по-прежнему тишина, но жар пробирает до костей.

— Ну как, чувствуешь? — басит Корнеплод, поддавая водицы на каменку, где раскаляется тяжелый котелок. — Пар выбивает всю дурь и энтропию!

— Эх, Корнеплод… — вздыхает пёс, утирая пот с ушей. — У тебя парит, а у меня внутри хронометру словно красную карточку показали. Ни «тик», ни «так».

После бани они сидят на крылечке остывшей баньки. Вечерний воздух прохладен, омытые тела дышать легко, но в груди Гав-Гавыча по-прежнему пустой гул.

Корнеплод сидит на лавочке, хмурит брови, глядя в закатное небо Долины:

— Слушай, Гав-Гавыч… Если уж совсем… если прям ЧП, катастрофа, трещина по всем ГОСТам, то надо к Игле!

— Ну, бывай, Корнеплод… Спасибо за пар. Пойду к Игле на скамейку запасных.

— Счастливо, Гав-Гавыч! Смотри там, если ГОСТ нарушит — скажи, я чертежи пришлю!

Гав-Гавыч подходит к коренастому домику-пню ежихи Иглы, стучится в дверь:

— Здравствуй, Игла! Выручай, беда у меня. Хронометр молчит, вакуум в груди.

Опускается на табурет и делает глоток густого грибного чая, от которого пахнет сушеным боровичком и прелой листвой.

Игла раскрывает огромный гроссбух с диагнозами и бубнит в алфавитном порядке:

— Хондроз грудного отдела? Нет. Хламидиоз басовый? Голос чистый. Хронический хронометритис… шифра нет. Хлороз лучезарный? Мимо.

Она захлопывает фолиант, лезет в жестяную банку и шлёпает на стол пару ядовито-желтых бумажных листов:

— Горчичники не надо, лучше красную карточку покажи!

Гав-Гавыч шарахается от стола, пятится к двери и, испуганно прижав к себе фаянсовую рыбку, поспешно выкатывается за порог с глухим «ой!».

Ночь укрыла Долину синим бархатом. С фаянсовой рыбкой Гав-Гавыч бредёт в полумраке и нос к носу сталкивается с Перчиком — тем самым резким и вечно озабоченным перцем-максималистом.

— О, больной на всю механику! — бросает Перчик, закладывая руки за пояс. — Чего таскаешься с барахлом?

Они доходят до домика Перчика. Перчик заявляет с видом эксперта:

— Горизонт запал — вот хронометр и встал. Смещение плоскости бытия на полградуса на север!

Гав-Гавыч чувствует не лирику, а праведный абсурдный гнев:

— Какой к чёрту горизонт запал?! У меня внутри тишина, а ты про перекосы!

Развернувшись на пороге, Гав-Гавыч срывается с места и доходит до собственного дома.

Он переступает порог и замирает в темноте. В комнате пахнет остывшим чаем и пылью, которая кажется теперь застывшей навсегда. Эта ночная прохлада пробирает до самого сердца, но внутри нет тепла, потому что нет ориентира.

Гав-Гавыч бросается к полкам. Без своего внутреннего хронометра он чувствует себя абсолютным ничем, пустой оболочкой. Этот механизм годами, секунда за секундой, говорил

ему, как дышать, как ходить, как правильно, нормально и праведно жить. Он вел его через дни, а теперь — просто перестал работать.

Пёс начинает судорожно, вслепую хватать старые книги, научные труды, дедушкины дневники. Он листает их прямо на ходу, жадно впивается глазами в пожелтевшие строчки, ища хоть одну зацепку, хоть один костыль для своего сломанного существования.

— Ну же, где это написано?! — задыхаясь от подступающих слёз, хрипит в пустоту Гав-Гавыч. — Дедушка, ну как сделать шаг?! Как поднять лапу, если я не знаю, в какую секунду её опустить?! Какая страница?! Какое правило?! Я пустой… Я просто сломанная кукла! Помогите мне кто-нибудь! Напишите мне регламент! Скажите, как жить дальше!

Но буквы безжалостно плывут перед глазами. На страницах нет формулы спасения. Книги мертвы. Они молчат, и весь накопленный веками чужой разум оказывается бесполезным перед его личной катастрофой. Он так и не нашел решения.

От этого страшного, удушающего бессилия внутри Гав-Гавыча лавиной вскипает дикая, глухая, праведная ярость. Мир заклинило, хаос побеждает, и тишина в груди начинает оглушительно звенеть. Не помня себя от злобы и отчаяния, пёс швыряет бесполезные фолианты в стену и с глухим, утробным рыком бросается на массивный дубовый шкаф.

— Замолчите! Все замолчите! — неистово кричит он, с силой ударяя кулаками по гладкому дереву. — Зачем вы все здесь стоите, если время сдохло?! Зачем эта комната, зачем этот дом, если меня больше нет?! Вы все врете! Нет никакого «ритма души»! Есть только эта проклятая, звенящая пустота! Убирайтесь!

Он упирается плечом, наваливается всем весом, вкладывая в этот толчок всю свою боль, всю накопленную за день беспомощность и ярость. Старое дерево тяжело, надрывно скрипит, кряхтит и с оглушительным, сокрушительным грохотом валится плашмя на пол, взметая густое, удушливое облако сухой пыли. Вместе со шкафом на ковёр лавиной рушатся и разлетаются оставшиеся книги.

В лунном луче пылинки кружатся тихо, как зимний снег. И в ту же секунду ярость испаряется, оставляя после себя выжженную пустыню. Силы мгновенно покидают пса, будто их выключили вместе с часами.

— Я больше не могу… — едва слышно выдыхает он, оседая на колени. — Всё кончено. Механизм молчит. И я тоже… молчу.

Опустошённый, разбитый и абсолютно обессиленный, Гав-Гавыч падает на пол, прямо на шершавый ковёр посреди руин своей прежней упорядоченной жизни. Он утыкается носом в ворс, подложив под щеку ладонь, в которой всё ещё намертво зажата фаянсовая рыбка, и тупо смотрит в потолок невидящим взглядом.

Никакого геройства — просто ноги больше не держат, а лежать теперь правильнее, чем стоять. Если внутри нет времени, то и двигаться незачем. Мир замер, свернулся калачиком под боком и тоже погрузился в глухое молчание.

Утро в Долине залито бледным рассветным светом. Среди завала из книг и лёгшего плашмя шкафа на ковре лежит Гав-Гавыч.

Стучат тяжёлые шаги. Дверь приоткрывается, и на пороге вырастает Корнеплод с удочкой:

— Подъём, физкульт-привет! Солнце встало точно по ГОСТу. Погнали на речку!

Гав-Гавыч медленно поворачивает голову:

— Как можно рыбачить, когда хронометр выгнали с забега?

Корнеплод качает головой, опускает ведро у порога:

— Проветривайся тут со своими шестерёнками. Захочешь молчать с пользой — подходи к реке.

Утреннее солнце освещало причал строго по ГОСТу. Корнеплод сидел на краю досок с зажатой в копыте удочкой, хмуро глядя на неподвижный поплавок. Рядом на ящике лежала линейка и амбарная книга.

Из сумерек прибрежных ив выплыл Прох, волоча под крылом неразобранный мольберт.

— Que l'homme solitaire?[3] — каркающе бросил гусь.

— Чего? — удивлённо сказал Корнеплод.

— Если по простому ,как дела, —вздыхая выдал Прох

Корнеплод тяжело вздохнул:

— Рыбалка без Гав-Гавыча какая-то неправильная, не по ГОСТу. А этот из-за какого-то механизма впал в эту… как её там… ме-ме… а, во! Меланхолия! Лежит там в пыли под шкафом, плашмя и полностью меланхолично, нос в ковёр, ни звука не выдает.

Прох выслушал его, поскрёб лапой доски и сказал:

— У меня муза не идёт, малевать нечего. Пойду-ка я у Гав-Гавыча за музыкой — вдруг она у него там валяется, распилим на двоих.

Развернувшись, гусь зашагал к дому пса. А Корнеплод остался сидеть на причале, подозрительно косясь на поплавок.

Прох стучит в дверь. Гав-Гавыч, уткнувшись носом в ковёр под упавшим шкафом, меланхолично хрипит:

— Входи.

Гусь переступает порог среди меловой пыли и обломков:

— Сыграй для музы, Гав-Гавыч. Полотно пустое, крыло просит аккорда.

Гав-Гавыч лениво перевёртывается на спину, глядя тусклым взглядом в потолок:

— Играть без хронометра — это как мешок муки дать Тяф-Тяфу донести. Не донесёт, только рассыплет. Пустой номер.

Прохор рассерженно трясет головой:

— Брось хандрить! Что-то давно не играл, давай мне сыграй![4]

Он со злости кидает на пол блокнот на прищепке — от удара в воздух взмывает густое облако пыли. Недолго думая, Прох подхватывает в одно крыло баян, а другим цепляет пса и мощным рывком вытягивает упирающегося Гав-Гавыча наружу, на крыльцо.

Пёс тяжело вздыхает:

— Если я сыграю, отстанешь?

Прох кивает с серьезным видом.

Гав-Гавыч садится на ступени, сгибается над мехами и начинает играть очень грустно. Но с каждым аккордом внутри рёбер раздается сухой механический толчок: тик… так… тик-так!

Хронометр оживает. Пальцы набирают уверенность, музыка светлеет, разливаясь по предвечерней поляне, и Гав-Гавыч затягивает хрипловатым, но уже окрепшим голосом:

— Сидим вдвоем, играем и поём!

Услышав песню по дороге от речки, Корнеплод бросает ведро, подходит к крыльцу, молча опускается рядом на доски и достает трубку. Пёс улыбается, меняет лад, и над притихшей Долиной уже звучит их старый, весёлый мотив, который они всегда пели вместе:

— Сидим втроём, и вечер нипочём! Хранится лад и в сердце, и в быту…

Они играли на баяне и пели до самой ночи, возвращая утерянное время в строгий, нерушимый музыкальный ГОСТ.

Почему так?

Всегда ставь вёсла на место, иначе будешь вертеться на одном месте.

---

[3] Que l'homme solitaire? С французского—Что одинокий человек?

[4] Гав Гавыч не играл, уже дев недели.

— Muusa suosii … [5]— тихо бормотал Прох, сидя за массивным столом в своём уютном доме из перевёрнутого судна с круглыми иллюминаторами.

Перед ним на столе стояла тяжёлая винтажная печатная[6] машинка с блестящими никелированными рычажками и рядами круглых клавиш. Прох увлечённо и ритмично колотил по ним когтями, то и дело бросая взгляд на деревянный мольберт-хлопушку и палитру с масляными красками, стоявшие в углу:

— Он вошёл в дверь… Дзынь! Нет, не в дверь, в проход… Тк-тк-тк-тк! Да нет же, просто коридор! И тут он увидел… Увидел… Что увидел!

Вдруг сюжет окончательно запутался. Прох замер, перечитал напечатанное на заправленном в валик листе, раздражённо закряхтел и со злости грохнул лапой по клавишам. Машинка издала протяжный металлический вопль, каретка бешено заскрипела, а от неожиданного толчка вся стопка чистой бумаги взмыла в воздух и веером разлетелась по комнате.

Гусь провожал взглядом каждый падающий лист, скрестив крылья на груди.

— Замечательно, — сухо резюмировал он, когда последняя страница опустилась ему на плешь. — Гравитация работает без сбоев. В отличие от моего таланта. В художники! На свежий воздух!

Глубоко вздохнув, Прох встряхнул головой и принял волевое решение:

— Ладно, с текстами погорячился. Душа просит пейзажа! Буду рисовать! Га-га-га!

Он решительно вышел наружу.

— Так-с, начнём-с! — бодро объявил он, с треском расставляя мольберт прямо под открытым небом.

Гусь сделал первый уверенный мазок. Затем второй. Но едва на холсте проступили первые очертания пейзажа, как небо внезапно заволокло тяжёлыми свинцовыми тучами. Солнце скрылось, оставив художника без единого луча света — дорисовать картину стало абсолютно невозможно.

Прох замер с занесённой кистью, посмотрел на угрюмое небо и издал крик чистейшего отчаяния:

—Pourquoi?! Pourquoi exactement?![7]

В этот момент на речке Шустрик и Сырок пускали кораблики. Сырок придерживал в лапе свой огромный кожаный фолиант астрономической энциклопедии, а Шустрик торопливо подгонял самодельное судёнышко.

— Мой быстрее, ежели верить фолианту… — авторитетно заявил Сырок.

— Нет, мой! Эк я махнул! У тебя вообще кораблик кривой! — тараторил Шустрик.

— Совершенно верно-с, у меня всё по науке, — сдержанно кивнул Сырок.

В этот момент Прох уже просто сидел на брёвнышке и горько размышлял: почему дождь идёт, когда зонтик не взял? Почему, когда не надел зимой шарф и шапку, обязательно встретишь бдительную Иглу с её ртутным градусником?

По речке к озеру приплыли два кораблика. Прох подхватил один из них клювом и сердито воззрился на приближающихся Сырка и Шустрика.

— Почему кораблик всегда от тебя уплывает, когда не надо? — бурчал гусь, отряхивая воду с перьев.

— Привет, Прох! Ты чего тут сам с собой воюешь? — выбежал на берег Сырок.

— Я не воюю, я тестирую гипотезу, — отрезал Прох, ткнув пальцем в воду. — Стоит мне задумчиво посмотреть на реку, как в неё обязательно уплывёт чьё-то имущество. Вот ты, Сырок, почему в лужи не падаешь?

---

[5] Muusa suosii с французского— Муза благоволит

[6] Прох перешло на печатную машинку, потому что если продолжает писать перьями, то совсем облысеет.

[7] —Pourquoi?! Pourquoi exactement?!с французского—“— Ну почему?! Почему именно так?!”

— Так я под ноги смотрю! У меня всё по науке, — ответил Сырок.

— Je regarde dans l'éternité! [8]— гордо поднял подбородок Прох. — А вечность, как выясняется, усеяна булыжниками и лужами.

В этот момент Шустрик подскочил к ним и победно затараторил:

— Ого-го! А мой кораблик выдержал! И вообще, он самый быстрый! И вода сегодня была правильной температуры, между прочим! Внимание, говорит радиоузел: первоклассная передача! Правда, здорово, Прох?

— Здорово, когда тебе Муза благоволит и лапы сухие, — проворчал Прох, швыряя кораблик обратно в воду. — А у меня — сплошной кризис жанра и светотени!

Желая уплыть подальше от назойливых расспросов, Прох забрался в свою пришвартованную лодчонку. Но в лодке отыскалось лишь одно весло. Как бы он ни шарил вокруг своим деревянным мольбертом-хлопушкой, второе словно испарилось.

Гусь разозлился донельзя:

— Почему, когда надобно грести двумя вёслами, второе обязательно теряется?! Это же чистой воды произвол гидродинамики!

Отчаявшись отыскать пропажу, Прох оттолкнулся единственным оставшимся веслом. Его утлая лодчонка тут же беспомощно завертелась на месте, закрутившись волчком, и с шумным всплеском уткнулась носом в деревянный причал.

Кабан Корнеплод, стоявший на краю пирса с открытой конторской амбарной книгой в твёрдом коленкоровом переплёте и деревянными счётами с поблёскивающими костяшками, от неожиданности чуть не уронил ведро. Рядом на столе лежала его верная линейка, а за неё цеплялись душевные хозяйственные заботы. Корнеплод аккуратно достал из садка очередного окуня, приложил измеритель от жабр до хвоста и возмущённо прохрюкал, делая отметку простым карандашом с металлическим наконечником:

— Прох, ты всю рыбу перепугал! У меня карась № 4 из-за твоих кружений усох на два миллиметра!

Кабан со вздохом брезгливо перекинул некондиционную рыбину в соседнее ведёрко, стоявшее у ног Гав-Гавыча. У интеллигентного пса на столе стоял тяжёлый гранёный стакан в никелированном подстаканнике, а сам он неторопливо правил снасть.

— Гм-гав… — сдержанно покашлял Гав-Гавыч, поправляя воротник. — Благодарствуйте, Корнеплод, голубчик. Весьма признателен… Первостатейное дело — свежая рыбка к обеду.

Прох встал в лодке во весь рост, балансируя единственным веслом, как канатоходец:

— Это не кружение, Корнеплод! Это концептуальный вальс! Я передавал динамику своего творческого тупика.

— Творческий тупик прополол бы лучше грядки, — скептически фыркнул кабан.

— А смысл? — Прох вздохнул. — Там всё равно черника растёт только тогда, когда у меня аллергия на синий цвет.

Гав-Гавыч лениво прищурился на поплавок, тихонько поперхнувшись от дымка папиросы:

— Гм-гав… Разрешите высказаться, сударь. А зачем тебе всё это знать, голубчик? Ну крутится лодка, ну уплывает кораблик… Как можно просто жить, не задавая лишних вопросов? Заведём-ка хронометр спокойствия.

— Как можно просто жить, не зная, как устроена светотень и вселенская несправедливость?! — трагично воскликнул Прох, заламывая крылья. — Почему все неудачи случаются оптом, а вдохновение — в розницу и по талонам? В чём глубинный смысл этого маразма?

---

[8] Je regarde dans l'éternité! с французского—Я смотрю в вечность!

— Смысл в том, чтобы не думать о глупостях, когда клюёт рыба, — философски изрёк Гав-Гавыч. — Попробуй расслабиться. Глядишь, и весло само приплывёт, если перестанешь за ним гоняться. Честь имею пожелать вам терпения.

Тяжело вздохнув, Прох выбрался из крутящейся лодки на скользкие доски причала. Понурив голову и волоча за собой перьевую ручку, он побрёл прочь от речки. Мысли о несовершенстве мира не давали ему покоя, и, сам того не замечая, гусь забрёл на узкую тропинку, ведущую вдоль аккуратных посадок кабана. Взгляд художника зацепился за грядки. Он шёл мимо амбара Корнеплода и вдруг заметил подозрительно длинный стебель у морковки:

— Graciez![9] Почему, когда надо, вырастет не по ГОСТу, а тяп-ляп?

Тут под лапой у него хрустнул засыпанный пылью пергаментный листок с заброшенной репликой. Прох нагнулся, поднял, разгладил крылом. Сделал два шага — под когтями зашуршал второй клочок, застрявший в капустном листе. Третий зацепился за сухую кочку моркови у Корнеплода.

Гусь замер, прищурился. Из-за злополучного удара лапой по клавишам утренний веер разлетелся не только по каюте: порыв ветра подхватил листы и раскидал их по всей Долине.

Ворча и озираясь на строгие ряды грядок, Прох ползал на коленях между бороздами, выковыривая исписанные лоскуты из лопухов, забора и луж. Вот клочок с недописанной сценой зацепился за репейник; вот кусок с разорванным диалогом коридора трепещет на колючках шиповника у ручья; вот ещё три листка плавают на мелководье у причала, где только что крутилась лодка.[10]

Развернувшись, он задрал клюв к облакам, ища нужную светотень, мгновенно зацепился за старый пень и с коротким «Га!» растянулся в сухой траве. Пачка собранных листов веером спланировала на кочку, заставив гуся собирать их заново

— по одной травинке к травинке.

Поднимаясь, отряхивая перья и зажимая под мышку заново подобранную стопку исписанных листочков, он лишь удовлетворённо хмыкнул:

— Ну хоть Земля не подвела. Встретила точно по расписанию, хоть и с макулатурным прицепом.

Пережитый стресс от падения и бумагособирательства дал о себе знать — у гуся заломило крылья и лёгкой дрожью отозвалось в затылке. Тропинка как раз огибала пышные кусты шиповника, за которыми показался знакомый уютный домик.

Ворча себе под нос, гусь шёл мимо норки ежихи Иглы, устланной бумажными обоями с мелким растительным узором. Хозяйка выглянула на крыльцо, окинула его критическим взглядом и упёрла лапки в бока:

— Так-так. Перья взъерошены, крыло дрожит, в лапах макулатура с погодной росой. Доволен, стратег? Догулялся по ветру без медосмотра. Ну-ка, в дом шагом марш, пока сквозняком окончательно не развернуло чертежи в голове.

— Да я вовсе не… — попытался запротестовать Прох, придерживая крылом подобранные по дороге листочки.

— Разговорчики в строю! — строго, но без суеты оборвала Игла, доставая чистую салетку. — Здоровье — это тебе не абзацы марать. Сел, лапы в тепло, кружку в лапу.

Отвар из шиповника и чабреца пьётся не на бегу, а по уставу.

Противостоять этому сухому порядку было бесполезно. Через минуту Прох уже сидел на зелёном диванчике за круглым столом, пристроив стопку листов на табурет, и дул на глиняную кружку.

---

[9] Graciez! С французского—Помилуйте!

[10] Это были листы из рассказа Проха: «Приключения Барона Дэ Гагенмуньхеля»

Игла присела напротив, стукнула ложечкой о блюдце с деловым видом:

— Искать черновики по канавам — дело хозяйское. Но порядок в голове начинается с порядка в организме. Устал — так признай, а не изображай из себя ветряную мельницу. Допишешь свой трагизм после того, как пульс в норму придёт.

Гусь сделал глоток, согрел лапы. В голове и правда стало поспокойнее.

В этот момент Прох глянул через оконце и обомлел: Шустрик с весёлым криком «Эк я махнул!» и смышлёный Сырок, шептавший: «Занимательное явление…», с хохотом носились по поляне. Глаза водящего были плотно завязаны длинным, любимым красным шарфом Иглы!

Гусь мгновенно забыл про усталость. Подорвавшись с дивана прямо на полуслове, он пулей выскочил на крыльцо, инстинктивно прижав стопку листов под мышку.

— Игла, шарф! — успел только гаркнуть он с улыбкой и с радостным «Га-га-га!» рванул в самую гущу игры.

Влившись в общий круг, Прох ловко уворачивался от «слепого» водящего, задорно гагакая на всю поляну и чувствуя себя абсолютно живым. И вдруг посреди этого весёлого, хаотичного бега в его голове словно щёлкнул невидимый тумблер.

Игла вышла на крыльцо, сложив лапы на фартуке, посмотрела на собственный красный шарф, лихо завязанный на голове у играющих, перевела взгляд на увлечённо строчащего что-то на коленке гуся среди разлетевшихся от бега бумажек, хмыкнула в усы и качнула головой:

— Ишь ты. Бегают они тут… А ведь гляди-ка — и вправду лучше всяких микстур. Ладно уж, валяйтесь дальше, поэты травоядные.

Снежные ныряки

Ныряя в снег ,удостоверься что рядом над злой ежихи.

Фырка проснулась в просто неприлично хорошем настроении. Она сладко зевнула, издав раскатистое: «Фы-ы-ы-ырррр!», потянулась лапками так сильно, что едва не свалилась со своей кроватки в виде сердца, и выглянула в окно.

На улице лежал внезапный весенний снег.

— Как опасно! — обрадовалась Фырка, потирая лапки. В её лисьей голове уже зрел план утреннего экстрима.

Она втянула в себя завтрак со скоростью мощного пылесоса (кажется, даже не жуя) и пулей вылетела на крыльцо. Шарф? Шапка? Пфф, это для слабаков! Настоящие лисички встречают весенний снег с голой шеей и гордо развевающимися ушами.

Фырка с разбегу нырнула в первый сугроб. Оттуда — сразу во второй! Она так громко и заразительно хохотала, как настоящий пушистый хулиган:

— Ха-ха-а! Ха-ха-а! Ха-ха! — разносилось на всю округу, распугивая сонных весенних птиц.

Когда прыгать из сугроба в сугроб немного надоело, она плюхнулась спиной в самый пухлый снег и начала делать «снежную лисичку». Фырка так яростно махала лапками вверх-вниз, а ушами вправо-влево, что чуть не выкопала в сугробе целую траншею! И всё это время она не переставала радостно хихикать, наслаждаясь своей весёлой снежной миссией.

В этот момент по заснеженной тропинке деловито вышагивала ежиха по имени Игла. В лапах она тащила внушительную стопку вязаных красных свитеров. И несла она их вовсе не потому, что выпал снег (у неё были свои, ежиные мотивы!). Игла бодро топала и во всё горло распевала свой хит:

— ВАСИЛЬКИ-ВАСИЛЬКИ! ВАСИЛЁЧКИ! КИ-КИ-КИ-КИ-КИ!

И вдруг песня оборвалась. Игла заметила её — местную лисичку-экстремалку, торчащую прямо из снега.

— Облысеть мне хоть сейчас! Это что за безобразие?! Фырка! А ну-ка вылезай из сугроба! — сурово повелела Игла.

— Не-а, — донеслось из снега.

— Ты же заболеешь! Простудишься! — всплеснула лапами ежиха.

— Не простужусь, — всё тем же абсолютно спокойным и невозмутимым голосом ответила Фырка.

Суровая ежиха в сердцах бросила свитера прямо на тропинку и кинулась вытягивать лисичку силой.

— Не хочешь сама — мне надо! — ехидно кряхтела Игла, пытаясь ухватить экстремалку.

— Ты что, товарищ, остынь, — философски заметила Фырка.

Она ловко вывернулась и «рыбкой» нырнула в соседний сугроб. Только снежная пыль взметнулась — след её простыл.

Игла замерла с протянутыми лапами. Затем медленно слепила снежок и приложила его к своему колючему лбу. От возмущения она напрочь забыла, куда вообще шла, и начала причитать себе под нос:

— У меня жар… Кажется, у меня жар! Они меня доведут! Без шарфа! Без каски! И прямо по сугробам!

Игла с пыхтением наклонилась, подобрала с заснеженной тропинки упавший свитер и сердито поправила всю охапку. На повороте из-за заснеженного куста вынырнул бобёр Перчик. Он был, как всегда, при полном параде: в лихо сдвинутом набок ярком красном берете, отутюженном шейном платочке и с резным угольником в лапе. Увидев ежиху с горой шерстяных вещей, Перчик восхищённо запрукал:

— О, Игла! Какая сочная колористика! Этот глубокий рубиновый оттенок просто идеально гармонирует с моим беретом! Это новая коллекция для весеннего сезона?

— Какая ещё коллекция, Перчик?! — рявкнула Игла, едва удерживая вещи. — У меня тут лиса в сугробах без экипировки купается! У неё же бронхит будет высшей категории! На вот, держи один, а то сам вечно с голой шеей ходишь!

Ежиха решительно сунула верхний свитер опешившему бобру прямо в лапы. Перчик кокетливо приложил шерстяную ткань к своему шейному платочку и, довольный, качнул головой:

— Ох, какая забота о дизайнерах! Спасибо, Игла, оттенок действительно изумительный!

Не сбавляя шага, ежиха помаршировала к своему домику-пню. Зайдя внутрь, она с досадой закинула оставшиеся свитера на сундук, буркнув себе под нос, что весенняя профилактика сегодня явно терпит крах. Чуть остыв, Игла поплотнее затянула шарф, вышла обратно на улицу и направилась к домику Барашки, чтобы выпить чашку горячего чая и обсудить это безобразие.

Кипя от возмущения, Игла решительно шагала по тропинке. Внезапно на её пути возник идущий по своим делам мышонок Сырок.

Сработав на одних лишь медицинских рефлексах, Игла машинально залепила в него снежком. Затем, не сбавляя шага, она подскочила к опешившему Сырку, натянула ему шапку глубоко на голову, прямо до самого носа (сделав его похожим на печальную подводную лодку), перехватила его шарф и начала зверски туго его затягивать.

— Пи-пи-пи-пи! — в панике запищал задушаемый заботой Сырок.

— Не пищи! Ты тоже меня довести хочешь?! — гаркнула ежиха, завязывая узел, достойный бывалого моряка.

— Не-е-ет… — только и смог прохрипеть посиневший Сырок.

Удовлетворённо фыркнув, Игла гордо промаршировала дальше.

Оставшись в одиночестве, Сырок рухнул в снег, как подкошенный валенок, и начал эпическую битву с морским узлом. Он катался по сугробу туда-сюда, дрыгая задними лапками и пытаясь ослабить хватку:

— Мх-мх-мпф! — доносилось из-под натянутой на нос шапки.

Мышонок сделал паническое сальто, зацепился пяткой за конец шарфа и, наконец, кое-как высвободил нос. Выплюнув пушистый шерстяной ворс, Сырок с трудом перевёл дыхание, тяжело опустил голову на снег и драматично прошептал:

— В третьей главе «Методов устранения свидетелей» это называлось «тихим удушением заботой»…

После чего сокрушённо закрыл глаза, накрыв мордочку лапками.

Тем временем Игла приближалась к амбару, где жил поросёнок Корнеплод. Вдруг из-за угла раздалось громоподобное:

— Хрючь-чь-чьхи!!!

Корнеплод шмыгнул и смущённо потёр пятачок копытцем. Увидев надвигающуюся ежиху, он побледнел под своей щетиной и затрясся, как холодец.

— О, п-п-п-привет, Игла… — пролепетал он, медленно пятясь назад.

Но Игла уже вскипела. Глаза её метали молнии.

— Вы меня все довести хотите?! — взревела ежиха так, что с крыши амбара посыпался снег. — Корнеплод, ты что, заболел и мне не сказал?!

Поросёнок впал в первобытный ужас. Перспектива лечиться у суровой Иглы была страшнее конца света. У него затряслись колени, а зубы застучали друг о друга.

— З-з-з-закопай м-м-меня л-л-лопата! — в панике затараторил Корнеплод, обильно потея на морозе и вытаскивая из жилетки деревянную линейку. Он судорожно приложил её к пятачку: — П-п-п-пятачок — ровно т-т-тридцать шесть и ш-ш-шесть! По ГОСТу! Девяносто в-в-восемь п-п-процентов и-и-идеальности!

Ежиха прищурилась, надвигаясь как ледокол, но всё же выдохнула:

— Ну хорошо… Вроде не врёшь.

Как только Игла скрылась за сугробом, Корнеплод рухнул на землю с громким «Хррр-фуууууух…». Но когда издалека донёсся её командный крик: «САЖАЙ БОЛЬШЕ РЕДИСКИ!», кабан взвизгнул, подпрыгнул на метр в воздух и с перепугу нырнул головой прямо в ближайшее оцинкованное ведро, оставив снаружи только судорожно дёргающиеся задние лапы.

Дверь в домик Барашки распахнулась с такой силой, словно туда ворвался ураган. Игла влетела в комнату и тут же сфокусировала взгляд на столе. Там лежал он — свежайший, ароматный пирожок с вишней.

Не говоря ни слова, ежиха схватила пирожок и начала ожесточённо его жевать. Вишнёвая начинка брызгала в разные стороны, крошки летели на пол, а Игла с набитым ртом возмущённо затараторила:

— Т-ф-ф-представляеф! Фырка по фугробам прыгает!

— Ну и что, пускай радуется, — меланхолично пожала плечами спокойная Барашка, попивая чаёк.

— Час! Два максимум! А она ВЕСЬ ДЕНЬ! — взвыла Игла, проглотив кусок целиком.

— Вай-вай-вай… — сочувственно покачала головой Барашка.

— У неё так будет не букет из её розочек, а букет из болезней! — рявкнула ежиха и тут же поперхнулась.

Она закашлялась, выпучила глаза и начала бить себя лапой по груди, пытаясь протолкнуть застрявший кусок вишнёвого пирога.

— Ну да, ты права, — философски согласилась Барашка, глядя, как Игла борется за жизнь.

Проглотив наконец злосчастную вишню, Игла ударила кулаком по столу.

— Всё! Я иду! — громогласно заявила она.

Бросив недоеденный, безжалостно покусанный пирожок прямо на скатерть, ежиха развернулась и пулей вылетела из дома.

Найти Фырку оказалось несложно. Лисичка как раз готовилась к очередному прыжку. Игла ворвалась в её домик, встала в позу строгого лектора и начала сурово отчитывать экстремалку:

— Ты хоть понимаешь, к чему приводят твои снежные ванны?! Слушай и запоминай:

Бронхит, гайморит, ОРЗ и ангина!
Будешь чихать, как больная машина!
Сопли ручьём, обмороженный нос,
Хронический кашель и остеохондроз!

Но Фырка её совершенно не слушала. Улучив момент, пока Игла набирала в грудь побольше воздуха для следующей строчки, лисичка присела на задние лапы и приготовилась грациозно выпрыгнуть в открытую дверь, прямо в манящий сугроб.

Не тут-то было!

Игла, продемонстрировав чудеса ежиной реакции, сделала молниеносный выпад и перехватила лисицу в полёте. Она с силой усадила недовольную Фырку на ближайший стул, нависла над ней и произнесла фразу, достойную главного врача психиатрической клиники:

— Если нельзя изолировать пациента от снега, значит, мы изолируем снег от пациента!

С этими словами Игла развернулась, чеканным шагом вышла на крыльцо и с грохотом захлопнула дверь.

Достав из кармана огромный, тяжеленный железный амбарный замок, она повесила его на петли и с довольным щелчком закрыла. Пациент был надёжно изолирован.

Фырка грустно сидела посреди комнаты. Белоснежные сугробы за окном манили её с непреодолимой силой,но выйти она не могла — амбарный замок на двери висел намертво. Лисичка начала мерить комнату шагами, нервно расхаживая взад-вперёд и возмущённо бубня себе под нос:

— Нет, ну вы посмотрите на эту ежиху! Железный замок! Это же произвол! Сугробы там совсем одни… Лежат. Скучают. Нетоптанные, непрыгнутые! Там сейчас снег идеальной плотности — я же нутром чую! А я тут сижу в этой душной коробке, как морковка в погребе!

Она подошла к окну, дёрнула ручку. Намертво. Фырка ощупала и с силой потянула каждую створку в доме, но они накрепко примёрзли к рамам.

— Примёрзли… Ну естественно! — пыхтела лисичка, упираясь лапами в холодное стекло. — Когда мне нужно тепло — из вас дует, как из турбины! А как на волю надо — так вы в монолит превратились! Откройся, деревяшка, у меня там пухляк стынет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.